

БОГ ПРИЗВАЛ

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в городе Клайпеда Литовской ССР. Окончил Калининградский университет, преподаёт историю и географию в сельской школе. Прозаик, член Союза писателей России и Конгресса литераторов Украины. Автор четырёх книг прозы. Публиковался в журналах «Нева», «Наши современники», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостинный Дворъ» и др. Лауреат первой премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия», литературной премии имени А.Куприна, Международного конкурса «Согласование времён» (ФРГ), национального конкурса «Золотое перо Руси – 2011», губернаторской премии «Признание». Живёт в посёлке Тишино Калининградской области.

1

Дядька Агафон жил в посёлке Миньково, что каким-то чудом сохранился внутри Москвы не тронутым загребущей рукой столичного застройщика. Находящаяся подмосковная деревня, окружённая со всех сторон высотными кварталами. Хорошая половина миньковских домов была деревянной, многие с наличниками, вырезанными ещё дедами да прадедами. Внутри них, как и полагается в таких случаях, присутствовали сени, чуланы и просторные подполы, стояли русские печи. Всё по старинке, всё по традициям, будто из ветхозаветного прошлого. Да и сами жители посёлка от исконного москвича заметно отличались своей неспешностью, основательностью, мудрой рассудительностью. К каждому дому примыкали земельные наделы, небольшие по деревенским меркам, всего-то соток шесть, изредка восемь, но

по столичным понятиям — шикарное дополнение к жилью. Кто огородики свои держал с тепличками и подсобочками, у кого и живность водилась на пример курочек, уточек, индюшек да козочек всяких, а кому и поросёнок по силам приходился. Более продвинутые и современные европейскими лужайками довольствовались.

У дядьки Агафона — огородик. Да и как без него, если деток пятеро — две девчонки да три басурмана. Старшей семнадцать, младшенькой два всего, и басурманы от семи и выше через каждые четыре года. А им витамины для роста ой как нужны, да и бюджету послабление, не одна тысяча рубликов экономится. Дядька Агафон — мужик работающий, трезвый, с утра до вечера в трудах праведных, и Устинья — подруга верная, старается мужу подсобить, никакой работы не чурается. От этого и семья что надо, крепкая, дружная, на любви замешенная. А то! Вот как, к примеру, младшенькая вышла. Решил три года назад дядька Агафон Устинью в очередной раз порадовать, отложил кое-какие деньжонки, подкалымленные на частных ремонтах квартир, для поездки к тёплому морю. А в августе, аккурат к концу лета, сюрприз супруге и предоставил — билеты на самолёт и чек на оплату частного домика на берегу. Детей родственникам определили и улетели к морским восходам-закатам. Вернулись через

три недели загорелые и счастливые. Друг на друга смотрели, будто только свадьбу сыграли.

— Ох, Агафон, смотри, как бы в пятый раз отцом тебе не стать, — посмеивались друзья, обращая внимание на необыкновенный блеск в глазах влюблённой парочки.

И точно, ровно через девять месяцев теперь уже подарочек от Устиньи подоспел — лапочка-дочка. Агафон на седьмом небе от счастья, детвора сестрёнке не нарадуется, Устинья вся светится. Так и живут.

Нынче у семейства дядьки Агафона большой праздник — Пасха. Средний басурман Прохор священосцем поставлен на вечерней службе. Для басурмана волнующе, для самого Агафона почётно.

— Папа, не пора ли ехать? Уже время вон сколько, — с утра наседали на отца Прохор.

— Да рано ещё, приедем, никого и не будет в храме.

— А если пробки на дорогах? Застрянем ведь.

— Какие пробки в субботу, сын? Сейчас вот ещё, может, и есть, а на дачи народ поразьедется — и вовсе пустынно станет, погода-то совсем стылая, ветер да дождь. Уже апрель, а весны толком не было и нет. Так что не переживай, прибудем вовремя. Лучше пойди уроки на понедельник сделай.

— Я ещё вчера их сделал, пап.

После обеда вся семья расположилась в стареньком минивэне.

— Устюша, яйца, куличи, всё взяла, ничего не оставила? Прохор, не забыл кафтан? Готовы в дорогу? Ну, тогда с Богом! — перекрестился на дорожную иконку дядька Агафон и выжал сцепление.

2

Подполковник Дорошенков с утра был не в настроении, хмур, как московское небо. Да и чему тут радоваться, когда в предпраздничный день, считай, на саму Пасху тебя на дежурство приказом сверху назначают. Ладно бы ещё в кабинете сидеть у телефона, погулять и тут можно, яйцами с подчинёнными побиться, коньячком с замом побаловаться, с секретаршей Валечкой Ерофеевой в удовольствие похристосоваться. Но нет, на улицу определили, как самого отстойного постового. У министерских ни уважения к чину, ни сострадания к человеку. Как только праздники, так у них шило в задницу, бзики сплошные, то проверки, то ответственные мероприятия. Вот и нынче не забыли про рядового полицейского, поздравили, так сказать, очередным рабочим авралом. Локдаун, видишь ли, мэр объявил, так под это дело тут же и акцию нарисовали — ловить авто, нарушающие режим изоляции в городе. Исключение дачникам и труженикам, остальных к ответственности.

На улице мерзко, погода совсем разнюнилась — чуть за плюс. То снег, то дождь с порывистым ветром, холодрыга ещё та, зуб на зуб не попадает. Хорошо хоть за пазухой фляжка с отменным армянским коньячком, но и он ненадолго, по всему видно, согреться подполковнику частенько приходится.

Сделав очередной глоток, Дорошенков взглянул на дорогу и тут же скомандовал старшему лейтенанту, указывая на приближающийся минивэн дядьки Агафона:

— Ну-ка, старшой, тормозни-ка вон ту колымагу.

— Стопори, — передал офицер команду Дорошенкова своему подчинённому.

Машина дядьки Агафона сошла со своей полосы и прижалась к обочине впереди постового автомобиля. Агафон приспустил боковое стекло и, дружелюбно улыбаясь сквозь бороду, обратился к молоденькому сержанту:

— Чего тормозишь, начальник, вроде я не нарушал ничего. С детьми еду, дело ответственное, дорогу под контролем цепко держу, скоростной режим выдерживаю.

— Как не нарушал? — выглянул из-за спины рядового дэпэсника Дорошенков. — А семь человек в малом пространстве — это что, не нарушение, по-твоему? Предписание правительства не читаем, санитарные нормы не соблюдаем, дистанцию не выдерживаем. Документы покажи.

Дядька Агафон, увидев звёзды на погонах подошедшего офицера, улыбку на лице погасил и, глубоко вздохнув, вылез из машины.

— Пожалуйста, — протянул он подполковнику права и свидетельство.

— Почему в салоне семь человек? Сказано же, что больше трёх не собираться. А у тебя друг на друге сидят, и все без масок. Настоящий рассадник заразы. Подкальмить решил?

— Какой — подкальмить! Это всё моя семья, жена с детьми. Так что нам дистанцию соблюдать необязательно, все свои.

— Семья, говоришь, — окинул взглядом пассажиров Дорошенков. — Семья — это хорошо, это дело другое. Только вот куда ты её тащишь в такую непогодь? Кино с зоопарками на карантине, музеи тоже, магазины промтоварные не работают. На дачу, что ли? И что там делать собираетесь в такой холод? Детишек не жалко?

Подполковник, поёжившись, приподнял воротник форменного пальто и уже собрался вернуть многодетному папаше документы, как вдруг услышал:

— В храм Покрова Богородицы на праздничную службу едем. Святая Пасха грядёт. Христос воскрес!

Лицо дядьки Агафона расплылось душевной улыбкой, физиономия же Дорошенкова медленно стала вытягиваться, губы

сжались в тонкую нить, глаза сузились.

— В какой такой храм? Патриарх же поддержал Президента, запретил пасхальные службы для народа проводить во время локдауна, чтобы не провоцировать эпидемию. Церкви не должны принимать верующих, все молитвы дома. Священники служат без прихожан. Или я чего-то не знаю?

— Ну так это ваши церкви не принимают, а наши принимают. И митрополит наш ничего не запрещал, — спрятал улыбку дядька Агафон.

— Какие ещё ваши-наши? Ты что, евангелист какой?

— Нет. Самый что ни на есть православный. Старообрядцы мы.

— Сектанты, значит. То-то я смотрю, больно имя у тебя подозрительное, не наше совсем, — утвердительно кивнул головой Дорошенков.

— Какие же мы сектанты? — обиделся дядька Агафон. — Мы ни в какую секту не уходили. Как были издревле православными, так и остались. Все изначальные традиции и обычаи соблюдаем в полной мере. Может, это вы сектанты? Это ж Никон от канонов ушёл, а наш Аввакум — он и сгинул за правильную веру, не поступился. Да и имя моё настоящее русское, прадедами определённое.

— Но-но мне тут, — лицо подполковника пошло красными пятнами, — поговори-ка ещё,

хлыст поганый. Продали Россию вместе с Распутиным, отдали нехристям на поругание и ещё вякают.

— Чегой-то вы, господин офицер, попутали тут совсем? При чём тут Распутин с хлыстами и староверы? Историю знать надо, особенно если при таком звании. Не стыдно чушь нести? — перешёл почти на шёпот дядька Агафон, не желая, чтобы его услышали стоявшие чуть в стороне подчинённые подполковника.

— Чего? — побледнел от злости Дорошенков и повернулся к лейтенанту: — Старшой, а штрафани-ка ты его за выезд за сплошную линию.

— Побойся Бога, подполковник, я ж не нарушал ничего, ты же прекрасно знаешь, — опешил Агафон.

— Мне нечего бояться, а вот ты бойся, потому как я сейчас над тобой Бог, и моё слово для тебя — закон. А моя воля такая. Вон там разворот, — указал в направлении дорожного знака Дорошенков, — и крути руль в обратную сторону, хлыстёныш. Домой вместе со своими хлыстами, чтоб и духа вашего тут не было, пока я тебя прав не лишил.

Дядька Агафон, получив назад права и штрафную квитанцию, сел за руль и нажал на сцепление.

— Ну, что там? — тревожно посмотрела на мужа Устинья.

— Он не Бог, никакой он не Бог, — проскочил мимо разворота дядька Агафон.

3

— Ах ты, сукин сын, хлыстёныш задрипанный! — с досадой ударил кулаком по капоту патрульного автомобиля Дорошенков. — Ну, погоди у меня, я тебе устрою пасхальную службу! Таковую отслужу, век помнить будешь!

4

— Папка, мы успеем? — заёрзал на сиденье Прохор. — Может, газануть побыстрее?

— Никаких газануть! Хватит уже, нагазовались, и так спокойно доедем, не опоздаем.

— Оштрафовали-то хоть за что? — поинтересовалась спустя минуту Устинья.

— За пересечение сплошной полосы.

— Но ты же не пересекал!

— Не важно. У них сегодня очередная акция, надо план давать по нарушениям, вот и подвернулись под горячую руку. Да тут ещё за своего Никона обиделся, хлыстами нас обозвал...

— Опять спорить полез? Ну кто тебя вечно за язык-то тянет? Сколько раз уже говорено: не суйся в чужой монастырь со своими правилами, бесполезная затея, только себе в убыток. И вот опять, — укоризненно посмотрела на мужа Устинья.

— Так, а что он нас хлыстами обозвал? Истории не знает совсем, — попытался оправдаться дядька Агафон.

— Слишком ты много требуешь с обычного постового.

— Он не обычный, он подполковник, старший офицер. Он должен знать историю. Знать и понимать.

— Офицер, — скривила губы Устинья. — Какой он офицер, если многодетную семью за ни за что денег лишает? Он обычный злобный неумный карьерист. Офицеры себе такой низости никогда не позволят.

— А тебе откуда это знать, позволят или не позволят? — усмехнулся в бороду дядька Агафон.

— У меня дед офицером был, и отец тоже, забыл, что ли? — обиделась на мужа Устинья.

5

Дорошенков достал из внутреннего кармана фляжку, подержал её на весу, чуток взболтал и полностью влил в себя остатки коньяка. Постояв с минуту в раздумье, он вдруг мстительно улыбнулся и обратился к старлею:

— Ну-ка, дай мне следующий пост по направлению к этой их чёртовой молельне.

— Какой молельне? — не понял подполковника старший лейтенант.

— Ну, на храм их сектантский, Покрова Богородицы вроде.

6

— Смотри, опять останавливают, — заволновалась Устинья,

глядя на машущего жезлом дэпээсника.

— Вижу, — напрягся за рулём дядька Агафон и сбавил скорость.

Постовой медленной походкой подошёл к агафоновскому автомобилю.

— Лейтенант Выползов, — представился дэпээсник. — Ваши права, страховку. Куда следуем?

— На праздник Святой Пасхи в храм Покрова Богородицы.

— Выйдите из машины.

— А что случилось, что-то с авто не в порядке? — прикрыл за собой дверцу дядька Агафон, не заглушая движок.

— С вами не в порядке. Вы превысили допустимую скорость при обгоне рейсового автобуса. Создали аварийную ситуацию, так сказать, — достал из своей папки штрафной бланк дэпээсник.

— Я ничего не нарушал, никакие автобусы не обгонял. У меня пятеро детей в салоне, какое превышение скорости может быть? — возмутился многодетный отец. — Лейтенант, побойся Бога!

— А чего мне его бояться? Он мне не начальник, премию за тебя не выпишет и с работы за неподчинение не выгонит. А вот подполковник выгонит. Ну, не выгонит, так премии точно лишит, если я тебя не оштрафую. Мне это надо? Так что для меня он и есть Бог. С утра тут торчу на ветру да на дожде, всякие ковиды от таких, как ты, вылавливаю, так хоть компенсацию за эти лишения заработаю. Сейчас

оформим нарушение, и езжай себе со своим Богом. Но мой совет: лучше назад, домой. Если дальше, только хуже будет.

Дядька Агафон молча взял штрафную квитанцию и, садясь в минивэн, тихо пробурчал:

— Твой подполковник не Бог, овца он самая настоящая. А кто ж на овцу молится? Язычники разве.

— Чего ты там? Недоволен чем-то? Повтори, — с угрозой в голосе наклонился к боковому окну лейтенант.

— Ничего. Так, сам с собой разговариваю.

— Во-во, и молчи в тряпочку, целее будешь.

7

Устинья с опаской посмотрела на мужа, лицо которого походило на грозное облако.

— Что, снова оштрафовали?

— Да, — кивнул дядька Агафон, — и предупредили: дальше — хуже. Видать, подполковник что-то пакостное затеял против нас. Что решаем, может, назад вернёмся? Так всю зарплату отдашь, пока доедешь, а то и не одну. Так это в лучшем случае, а в худшем...

— И думать об этом не смей! Мы потом себе этого вовек не простим, да и Прохор тоже, — положила Устинья свою ладонь на мужнино бедро. — Пусть штрафуют, деньги в жизни не главное. Не разоримся, по миру

не пойдём, заработаем ещё. Да и не арестуют же тебя, в конце концов. Если хочешь, я за руль пересяду. Со мной они, может, не посмеют так нагличать, всё же женщина.

— Нет, Устюша, — покачал головой дядька Агафон, — я этот крест до конца вынесу. Бог по-может! А то, что ты женщина, их не тревожит. Они распоряжение своего начальника выполняют, он их Бог.

— Нашли себе Бога, овцу неразумную.

8

Дядьку Агафона ещё несколько раз тормозили дэпээсники и лишали денег под надуманными предложениями.

— Побойся Бога, майор!

— Бога нет.

— Побойся Бога, старлей!

— Бог завтра на Пасху будет, сегодня подполковник командует.

9

Подполковник Дорошенков все детали продумал досконально, всё просчитал. По его плану дядьку Агафона должны были штрафовать на всех постах по пути к церкви, на последнем же задержать строптивца за неисправленные тормоза и сопроводить его вместе с семьёй в ближайшее отделение полиции, а машину отправить на штрафстоянку.

— Капитан, — давал последние указания по рации Дорошенков своему подчинённому, — как в отделение этих сектантов доставишь, мне сразу доложи, я подъеду потом, понял?

— Так точно, товарищ подполковник!

10

— Папа, мы, н-навверное, точно оп-поздаем, — начал заикаться Прохор, увидев в окно, как очередной дэпээсник стал оставливать их машину.

— Не волнуйся, сын, всё будет хорошо. Бог нам в помощь!

— Господи, за что вы издеваетесь так-то над нами в такой день, креста на вас нет, — с укоризной всматривалась Устинья в приближающегося офицера.

— Капитан Пономарёв, — отдал честь дэпээсник. — Ваши права, пожалуйста.

Дядька Агафон молча протянул документы моложавому офицеру.

— Куда следуем?

— В храм Покрова Богородицы, на пасхальную службу. Сына нынче в священосцы поставили. Спешим.

— Вот как. Церковь вроде старообрядческая?

— Да, православная.

— Ну что ж, не смею задерживать, — капитан вернул права Агафону и отдал честь. — Для

сына праздник великий сегодня. Удачи в первом служении. С наступающей вас Пасхой. Поезжайте с Богом!

У дядьки Агафона аж челюсть отвисла от изумления, да и Устинья сползла по сидению.

— Что смотрите на меня, как на невидаль? — улыбнулся дэпээсник. — Будто чудо увидели.

— Так оно самое и есть. Чудо чудесное, — опомнился дядька Агафон. — И не оштрафуешь даже, просто отпускаешь?

— Что я, не православный, что ли?

— Тоже из староверов будешь?

— Нет. Да и какая в этом деле разница? Все мы одной веры. Христос воскрес!

— Воистину воскресе, капитан, воистину!

11

Подполковник Дорошенков нервно ходил из стороны в сторону вдоль обочины дороги и постоянно посматривал на часы, ожидая сообщения от капитана Новикова. Коньяк давно закончился, и холодный ветер делал своё дело, выдувал тепло и последние пары хмеля из начальственного тела. Затушив очередной окуроч, Дорошенков повернулся в сторону сержанта:

— Эй, малой, вызови срочно капитана Пономарёва и рацию мне передай.

Через минуту подполковник выговаривал подчинённому:

— В чём дело, капитан, почему не докладываешь по нарушителю? Сколько я, по-твоему, должен ждать? Все сроки уже вышли. Задержал, надеюсь, этого сектанта? Как он там, не плачет отпустить, взятку не предлагает? Или Богом своим пугает? Сейчас приеду, полюбуюсь на этот цирк.

— Я его отпустил, — прохрипела рация.

— Чего?

— Отпустил я их, — повторила рация, — не за что было задерживать. Документы в норме, тормоза тоже в порядке, ехал тихо. Никаких нарушений.

— Чего? — побагровел подполковник.

— Отпустил я их, говорю, — ещё раз донеслось из радики.

В воздухе повисло тяжёлое молчание.

— Твою мать! — через несколько секунд заматюгался эфир.

А ещё через минуту рация зашипела:

— В понедельник с утра ко мне с рапортом, мля!

12

В понедельник утром капитан Пономарёв вошёл в приёмную Дорошенкова.

— Подполковник у себя? Доложите, мне назначено, — показал он удостоверение секретарше Валечке Ерофеевой.

— А вы что, не знаете? — посмотрела на него покрасневшими глазами Валечка.

— О чём?

— Николая Васильевича вчера вечером арестовали, — всхлипнула секретарша, — за взятку в особо крупном. Говорят, шансов никаких. Беда-то, беда! И главное, прямо на Пасху.

— Господи, — мысленно перекрестился Пономарёв, — видать, Бог к ответу призвал.